

Т. Я. Хабриева

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРАВЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: НА ПУТИ К НОВОМУ НАУЧНОМУ КОНСЕНСУСУ

Богатство и разнообразие современного мира проявляется в многовариантности правовых культур. Все они по-своему уникальны и в то же время имеют нечто общее – то, что их сближает и позволяет взаимодействовать между собой. Речь идет не только о так называемом геноме права, как его именовал академик РАН В. С. Стёпин¹, но и о практике заимствования правовых идей, образцов и моделей как о проявлении одной из закономерностей глобального правового развития. Это подтверждает исторический опыт эволюции «цивилизации права»².

В истории отечественного государства и права известно немало фактов масштабных заимствований правовых решений из зарубежных правопорядков. Современный российский правопорядок сформировался в 1990-е – 2000-е годы в результате заимствований из континентального (романо-германского) и англосаксонского права. Советское право возникло как результат рецепции непосредственно германского законодательства и отдельных положений германской доктрины. Деятельность М. М. Сперанского по модернизации законодательства Российской империи была вдохновлена в первую очередь кодификациями Наполеона. Петр I руководствовался примером Швеции и идеями Лейбница. Даже Русская Правда была создана на основе не только местных обычаев, но и права Византийской империи. Аналогичные примеры есть и за рубежом. Так, в основе континентального (романо-германского) права, помимо прочего,

¹ См.: Стёпин В.С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики* / Пред. Миронов В.В., Солонин Ю.Н.; издание Московско-Петербургского философского клуба. М., 2010. С. 16-27.

² См.: Зорькин В.Д. *Цивилизация права и развитие России.* – 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016.

лежит римское право, которое сформировалось через интерпретацию греческих источников. Даже в законах Драконта и Солона присутствуют положения, уходящие корнями в правовые порядки Междуречья и Передней Азии.

Означает ли это безусловную ценность правовых заимствований как феномена мировой правовой культуры, универсального инструмента развития национальных правовых порядков? Можно ли считать правовые заимствования частью национальной правовой традиции, в частности российской, или расценивать практику заимствований в качестве традиции как таковой? Данная постановка вопроса открывает новый ракурс в осмыслении взаимодействия правовой традиции и правовых заимствований, интерпретации природы, воспроизводства, повторяемости практики заимствований в праве. Поиск ответа на поставленные вопросы имеет важное значение в условиях текущей трансформации мирового устройства, перехода от моноцивилизационной к многоцивилизационной его модели, ориентации государств на укрепление национальной, культурной идентичности.

Термин «традиция» (от лат. *traditio* – «передача») имеет множество смыслов. Он используется в значениях «способа передачи социального и культурного наследия», «устойчивого опыта поколений и эпох», «способа социальной и правовой регуляции», «полифункциональной системы приспособления общества к изменяющимся условиям», «способа передачи этнокультурной информации» и др.³ Некоторые определения отражают их «ангажированность» со стороны различных областей знания, направленность на решение отдельных познавательных задач или акцент на то или иное свойство рассматриваемого явления. Например, в одних дефинициях подчеркивается функция традиции в обществе, в других – их

³ См., подробнее: Большая российская энциклопедия 2004–2017. Электронный ресурс. https://old.bigenc.ru/world_history/text/4199293; Трегулова Н.П. Становление дефиниции «традиция» // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 2. С. 79–85.

инструментальная роль, в-третьих – содержательная сторона и т. п. При любых подходах, как в обыденном, так и в профессиональном понимании, традиция остается символом устойчивости, стабильности. Она воспринимается как сложившиеся в обществе модели поведения, которые передаются из поколения в поколение и связаны с историей народа или государства, как установившийся порядок, неписанный закон в поведении, в быту⁴. Традиция сохраняется и воспроизводится на протяжении веков, нормирует поведение людей, которые повторяют одни и те же действия в определенный промежуток времени вне зависимости от обстоятельств. Следовательно, она несет в себе регулятивный потенциал и определенный императив.

Известно, что юридическая наука выполняет практико-преобразующую функцию. Ее выводы и предложения могут восприниматься как руководство к действию, особенно если они восприняты и реализованы на практике законодателем или правоприменителем. Доктринальная идентификация опыта правового заимствования в качестве традиции означает состоятельность утверждения о том, что каждая очередная реформа, правовая модернизация должна осуществляться с опорой на заимствования или посредством их интеграции в национальную правовую систему. Из признания практики заимствования традицией следует установка на обязательное ее использование. Это обуславливает постановку нескольких вопросов. В частности, не образует ли подобное понимание правовых заимствований ненужных рамок и не ограничивает ли дискрецию законодателя в развитии национальной правовой системы и правового порядка? Не создает ли оно угрозы для правового суверенитета? Не попадают ли правоведы при культивировании

⁴ См. подробнее: Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовами глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29-32; Он же. Динамика правовой традиции в условиях четвертой промышленной революции // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 5-15.

этой идеи в интеллектуальную ловушку, вовлекая в нее не только ученых, но практиков – юристов, политиков?

В первом приближении черты традиции обнаруживаются при изучении практики правовых заимствований в историко-правовой ретроспективе. Однако при всем богатстве исторических фактов, которые могут быть использованы для подтверждения традиционности правовых заимствований, оно не является безальтернативным. Если рассмотреть феномен заимствований в праве на «макроуровне», то можно обнаружить основания для вывода о том, что практика правовых заимствований не является традицией, а представляет собой объективный процесс эволюции права, его черту или элемент механизма. С этой точки зрения заимствования могут быть идентифицированы как средство трансцивилизационного развития права, интеграции и конвергенции правовых систем.

Мировая история свидетельствует о том, что заимствования, как правило, происходят тогда, когда то или иное общество (государство) встает на путь «догоняющей модернизации»⁵ (прежде всего, в экономическом и технологическом развитии), «догоняющего» правового развития, при котором какая-либо правовая система совершенствуется за счет доктрины и практики, возникших ранее в более сильном правовом поле. Но делается это не в силу традиции, а по другим причинам – социально-экономическим, политическим и проч. Представляется, что здесь допустима аналогия с заимствованием государством средств для развития или спасения собственной экономики. Такие действия совершаются не потому, что есть традиция брать займ с указанной целью, а потому, что возникла необходимость в решении насущных государственных задач и получение займа является одним из способов их решения.

⁵ См.: Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.

Именно такая ситуация сложилась в России в конце XX в. при переходе от социализма к капитализму, от плановой экономики к рыночным отношениям, когда российскому правопорядку потребовалось обратиться к опыту зарубежных государств. Это позволило преодолеть актуальные на тот момент проблемы и обеспечило определенный положительный результат. Вместе с тем состоявшийся «правовой трансфер» послужил каналом для правовой экспансии. В настоящее время этот факт становится все более очевидным. Похожие сценарии продолжают реализовываться при модернизации национальных правопорядков на постсоветском пространстве.

В логике «догоняющей модернизации» развивается и регуляторика в сфере искусственного интеллекта. Некоторые правовые образцы уже созданы (Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте 2024 г.⁶, акты некоторых других государств). Они восприняты в ряде стран, например в Республике Казахстан⁷. В России продолжается работа над созданием соответствующего правового регулирования, однако базового закона пока нет. Обсуждаются разные проектные решения, в том числе сформировавшиеся в зарубежных правопорядках. Вместе с тем анализ известных инициатив и проектов позволяет прогнозировать в России перспективу создания самобытной регуляторной модели, обеспечивающей баланс в достижении целей защиты личности, общества и государства, с одной стороны, и технологического лидерства, с другой. Следует отметить, что российский правопорядок продемонстрировал иммунитет к экспансии правовых идей относительно правосубъектности искусственного

⁶ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689

⁷ См.: Досье на проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071

интеллекта⁸. Несмотря на значительное количество сторонников этой идеи среди научного сообщества в России, она не нашла практического воплощения.

Важно обратить внимание на двойственность феномена заимствований и разнородность его проявлений: с одной стороны, добровольные (инициативные) заимствования правовых моделей из других правовых порядков (что имеет место при рецепции), с другой – открытое или скрытое насаждение в глобальном или региональном масштабе правовых образцов, выработанных какой-либо одной правовой культурой. Специфику последних наглядно демонстрирует практика продвижения международных правовых стандартов, которые подменяются результатами толкования различных наднациональных структур: ГРЕКО, ОЭСР в отношении антикоррупционных стандартов⁹, ЕСПЧ – Европейской конвенции по правам человека¹⁰. В результате происходит тиражирование не формально выраженных правовых положений, а смыслов, подаваемых как правовое, конституционное европейское наследие, в частности, в деятельности Венецианской комиссии Совета Европы, заключения которой далеко не всегда оказывались непредвзятыми¹¹. Тактика правовой экспансии становится более прямолинейной, что подтверждается фактическими обстоятельствами принятия Генеральной ассамблеей ООН Пакта во имя будущего¹², включающего Глобальный цифровой договор (22 сентября 2024 г.).

⁸ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 7. С. 609-622.

⁹ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Коррупция и правопорядок в фокусе современной юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 5-13; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции // Общественные науки и современность. 2017. №1. С. 5-19.

¹⁰ См.: Ковлер А.И. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРАМ, 2019.

¹¹ См.: Хабриева Т.Я. Венецианская комиссия как субъект интерпретации права. М.: Статут, 2018.

¹² Pact for the Future. ООН. 22 сентября 2024 г. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>

В контексте темы заимствований и правовой экспансии необходимо рассмотреть ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Она открывает пространство для заимствований, фиксирует их основания и механизм. Несмотря на то что теперь эту конституционную норму надо толковать систематически, вместе с положениями ст. 79 Конституции РФ, которая после внесения поправок в Основной Закон в 2020 г. сужает данное пространство. Однако телеологическое толкование ч. 4 ст. 15 Конституции приводит к выводу о том, что цель ее включения в Конституцию в 1993 г. состояла именно в обеспечении возможности правовой экспансии. Факт внесения поправки в ст. 79 Конституции подтверждает этот вывод¹³.

Определение феноменологии различных видов правовых заимствований, установление их соотношения и закономерностей взаимодействия сопряжены с поиском ответа на вопрос о пределах заимствований и конституционных механизмах их обеспечения, а также об «очищении» национального права от избыточных или деструктивных заимствований¹⁴. Соответствующая научная задача обусловлена целями сохранения устойчивости национального права и правопорядка. Для ее решения требуется серьезная проработка этой проблемы, в том числе определение критериев, позволяющих найти, а возможно, ввести или нормировать искомые пределы.

Видовое многообразие заимствований в праве включает «обратные» (или «возвратные») правовые заимствования. Они поименованы таким образом по аналогии с тем, как филологи называют слова, заимствованные одним языком из другого, а затем обратно, но в другой форме или с другим

¹³ См.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Комментарий к Конституции Российской Федерации (по статейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский / под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина.

¹⁴ См. подробнее: Бастрыкин А.И. Необходим приоритет национального права над международным. https://rg.ru/2015/04/28/bastrykin.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

значением¹⁵. В праве «обратные» («возвратные») заимствования представляют собой правовые идеи, первоначально возникшие в рамках одного правового порядка, и, будучи воспринятыми в других правовых порядках, возвратившиеся впоследствии в правовой порядок-донор. Примером может служить так называемая регуляторная гильотина. Есть основания утверждать, что данный инструмент был заимствован зарубежными странами из российского (советского) опыта правового регулирования. В 1975 году он был предусмотрен в совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства»¹⁶. Другие примеры можно найти в европейских демократических государствах (например, в Германии, Австрии), которые во время пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19, устанавливали специальные режимы, ограничивающие права и свободы граждан, а также модели публично-правового регулирования, созданные в других государствах. Практика воплощения в жизнь предвыборных обещаний Президента США Д. Трампа о прекращении «искусственного внедрения гендерной идеологии» в американское сообщество и признании существования только мужского и женского гендеров тоже может послужить предметом для анализа под этим углом зрения.

Самостоятельный сюжет в рассматриваемой тематике образует проблема «корректных» и «некорректных» заимствований. В 2015 году В. Д. Зорькин на примере института траста (trust) показал, что попытки поспешно «привить» к российской нормотворческой практике «побеги» англосаксонского прецедентного права, что никогда ранее не делалось ни в имперскую, ни в советскую, ни в раннюю постсоветскую эпоху, далеко не

¹⁵ См., например: Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. М.: Флинта; Наука, 2011; The Oxford Guide to Etymology, by Philip Durkin, 5. Lexical borrowing, 5.1 Basic concepts and terminology. P. 212–215.

¹⁶ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т.10. Октябрь 1973 г. – октябрь 1975 г. М.: Политиздат, 1976.

всегда оправданны и даже могут быть разрушительны¹⁷. Здесь следует вернуться к вопросу о пределах заимствований и конституционных механизмах их обеспечения, а также об «очищении» национального права от некорректных (деструктивных) заимствований, который был поставлен в контексте анализа ч. 4 ст. 15 Конституции. Для выявления некорректных заимствований (на стадии планирования их включения в национальное право или уже встроенных в него), их недопущения требуются научно обоснованные критерии идентификации, а также механизмы «фильтрации» зарубежных правовых моделей при их имплементации в национальный правовой порядок.

Объекты заимствования могут быть самыми разными – от правовых идей до правовых конструкций и институтов. Исследования показали, что перениматься и тиражироваться могут также технологии правовых преобразований – реформ и модернизаций. Изучение государственных реформ¹⁸ и цветных революций¹⁹ в этом убеждает. Данное направление в правоведении предстоит развивать, чтобы вывести на более высокий уровень технологии государственно-правовых преобразований и не попадать под влияние вдохновителей «цветных революций» (которое проявляется в том, что в обстановке смуты навязываются зарубежные правовые образцы (стандарты) «Good Governance» – «правильного управления»²⁰).

¹⁷ См.: Зорькин В.Д. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. 2014. 22 мая.

¹⁸ См.: Административная реформа в России: научно-практическое пособие / под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2006; Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование. М.: Эксмо, 2010; Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; СПб.: Нестор-История, 2014; Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016; Khabrieva T. La réforme constitutionnelle dans le monde contemporain. Paris: «Société de législation compare», 2019; и др.

¹⁹ См.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018.

²⁰ Там же.

Тема правовой традиции и правовых заимствований имеет значительный идеологический потенциал. Образующие ее базовый контент идеи, фундаментальные смыслы и интерпретации могут быть использованы как для обоснования неполноценности той или иной правовой системы, неспособности того или иного общества создавать собственные правовые модели, так и для утверждения самобытности правовых культур, правовой идентичности. В настоящее время именно такое утверждение востребовано в практике конституционного развития, укрепления интеграционных образований, созданных на основе равноправного диалога государств и цивилизаций²¹.

После распада Советского Союза в общественном, да и в профессиональном сознании юристов сформировалось негативное отношение к идеологии, убеждение в том, что она вредна. Причины и процесс формирования этого стереотипа также можно и даже нужно анализировать в контексте экспансии правовых идей. По истечении времени приходит понимание того, что данная установка была навязана российскому правопорядку и последовательно внедрялась в общественное сознание. Однако от этого идеология не перестала существовать²², что наглядно продемонстрировал так называемый коллективный запад, поправ свои собственные правовые идеалы и возведя антироссийскую (русофобскую) идеологию выше права.

В настоящее время приходит осознание того, что требуется последовательно укреплять иммунитет к чуждым правовым идеям, ценностям и образцам, чему может существенно способствовать восстановление и сохранение исторической памяти. Вместе с тем надо понимать, в чем состоит правовая идеология, объединяющая российское

²¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. С. 51–73.

²² См.: Хабриева Т.Я. Венецианская комиссия как субъект интерпретации права: монография. М., 2018. С. 112-113.

общество. В определенной степени она выражена в обновленной Конституции России. Целесообразность использования возможностей юридической науки для восстановления «статуса» правовой идеологии в доктрине и практике объясняется тем, что исследования проецируются не только на национальное право, но и на сферу международного общения, мировое устройство. На фоне сохраняющейся фрагментации международного сообщества идут интеграционные процессы, в том числе демонстрирующие идеологию многополярного мира. Ярким примером является БРИКС, которое функционирует на идеях равенства, справедливости, взаимной выгоды²³. Изучение правовой идеологии таких образований составляет одну из актуальных задач юридической науки²⁴.

Настороженное отношение к собственной правовой идеологии привело к тому, что заимствования в российском праве по умолчанию считаются традиционным способом его развития и модернизации. В значительной мере такое искаженное восприятие закономерностей развития отечественного права и правовой традиции – результат отсутствия научного консенсуса относительно интерпретации природы и значения заимствований для правопорядка России, хотя по данному вопросу консенсус просто необходим. Нельзя забывать, что превознесение мирового опыта влечет принижение собственного, а особый пиетет перед зарубежными правовыми новациями ведет к недооценке отечественной правовой культуры.

Консенсуальные начала присущи юридической науке. Традиция вырабатывать единое мнение по принципиальным вопросам правоведения

²³ См.: БРИКС: контуры многополярного мира: монография / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин и др. / под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2011; Хабриева Т.Я. БРИКС – цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины. https://www.lihachev.ru/chten/2024/plen/Khabrieva_TYa_2024.pdf; и др.

²⁴ Возможно, в том ее понимании, которое приводил в своих работах В.А. Туманов – как теоретическую конструкцию, выражающую определенное юридическое мировоззрение (см: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. М.: Наука, 1971).

и государствоведения была свойственна советской юридической науке²⁵. Сейчас она ослаблена, но не утрачена полностью. Примером ее сохранения могут служить Научные концепции развития российского законодательства²⁶, которые отражают коллективные воззрения на право, законодательство, государственно-правовую сферу в целом. В них выражается согласованное мнение ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации о их природе, устройстве, о должном и сущем в праве. Речь идет о консенсусе, обеспечивающем общую направленность коллективного научного поиска, внутреннюю непротиворечивость содержания научно-правовых исследований, целостность рациональной картины законодательства. Эта картина и ее частные фрагменты являются результатом взаимопонимания, например относительно понятия законодательства, его пределов, системы, роли отдельных нормативных массивов в правовой системе²⁷. Даже структура каждого из восьми изданий Концепций – это результат консенсуса, завершившего продолжительную и острую дискуссию по этому вопросу.

Согласие, достигнутое внутри авторского коллектива Концепций, во-первых, открыто «внешнему научному миру» и может послужить основной для расширения круга его участников²⁸. Во-вторых, оно имеет потенциал к

²⁵ Консенсуальность была свойственна отечественной науке (см.: *Летопись российской юридической науки: в 5 томах* / отв. ред. Т.Я. Хабриева).

²⁶ См.: *Концепции развития российского законодательства* / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1994; *Правовая реформа: концепции развития российского законодательства*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995; *Концепции развития российского законодательства*. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998; *Концепции развития российского законодательства* / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004; *Концепции развития российского законодательства* / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010; *Концепции развития российского законодательства* / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2013; *Концепции развития российского законодательства* / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2014. *Научные концепции развития российского законодательства: монография*. 7-е изд. доп. и перераб. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015; *Научные концепции развития российского законодательства* / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – 8-е изд. перераб. и доп. М., 2024.

²⁷ См.: Черногор Н. Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 104.

²⁸ На данное обстоятельство косвенно указывает поддержка Концепций научными коллективами других ведущих научных и образовательных центров. См., например: Кропачев Н.М., Архипов В.В.,

тому, чтобы стать неким образцом при постулировании в юридической науке и учебной литературе доктринальных утверждений, выводов и теоретических схем, стимулировать развитие практики выработки доктринальных решений²⁹. Это, в свою очередь, может положить начало новому циклу в эволюции отечественной науки, который сопряжен со сменой вектора общественного развития – от парадигмы индивидуалистического типа общества к коллективистскому, а значит, со сменой ценностных ориентаций научных сообществ, исследовательских программ, в конечном счете отражающих изменения в социально-исторических отношениях, праве и культуре. С высокой долей вероятности можно прогнозировать, что в новом цикле развития юридической науки будет востребован советский опыт организации научной деятельности в части достижения консенсуса, необходимость которого продиктована потребностями практики³⁰.

Рудоквас А.Д., Рассказова Н.Ю., Оленников С.М., Карандашов И.И., Лунева Е.В., Попондопуло В.Ф. Рецензия: Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Ин-т законодат. и сравнит. право-вед. при Правительстве РФ. – 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024 // Правоведение. 2024. Т. 68, No 4. С. 591–600.

²⁹ Черногор Н.Н. Указ. соч. С. 104-105.

³⁰ Из выступления Т.Я. Хабриевой с докладом на тему «Консенсуальные начала в концептуализации права как фактор устойчивого развития государства» на пленарном заседании X Московского международного юридического форума «Устойчивое развитие России: правовое измерение» (Москва, МГЮУ имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6 апреля 2023 г.).